Н. И. Фортунатова

ТЕТЯ ВЕРА НАША

ВОСПОМИНАНИЯ ПЛЕМЯННИЦЫ В. Д. КУЗЬМИНОЙ

Тетя Вера наша... Почему наша? Да потому, что у мамы было много подруг и знакомых с этим именем. Мы различали: тетя Вера – Мишка (это Вера Ивановна Иванова, которая на Рождество всегда была в костюме медведя), тетя Вера в очках (это Вера Вениаминовна Никонова, мамина задушевная подруга), тетя Вера Вишневская (это подруга мамы по институту), Вера Антоновна (знакомая нашей бабушки Веры Михайловны Фортунатовой), а это была тетя Вера НАША. Самая любимая из всех тетей Вер.

Тетя Вера наша для нас была все. Во-первых, в честь нее была названа моя сестра Верочка, и тетя Вера была ее крестной матерью. Во-вторых, тетя Вера – это всегда праздники и подарки. Праздник Рождества Христова – самый необыкновенный. На улицу Кирова, дом 13, где она жила со своей учительницей Людмилой Васильевной Крестовой-Голубцовой, тетя Вера звала своих подруг с детьми и нас с Верочкой. Получалась большая детская компания: Ольга Ильинична Подобедова с сыном Сережей и дочкой Катей, подруга Маргарита и ее три девочки, которых она взяла из детского дома, Лена, Таня и Олечка. Семь детей и столько же взрослых – вполне приличная команда для игр в шарады, в загадки, вождение елочных хороводов. А летом тетя Вера принимала всю компанию на дом в Болшево, где они снимали дачу с Людмилой Васильевной. Летом в Болшево приезжала еще Марина из Ашхабада с дочкой Олесей. Марина была дочерью тети Вериного друга Володи Янтарова, который, уходя на фронт, поручил свою дочку самым своим близким людям – Вере и Нюре Кузьминым, с которыми был дружен с юношеских лет. Кроме этого, в Болшево на даче у тети Веры половину лета жил наш дедушка Дмитрий Дмитриевич Кузьмин, отец тети Веры. В Болшево были другие праздники: походы в лес, прогулки в поля за ромашками, поездки в дом отдыха «Болшево», где отдыхали литераторы, и тетя Вера знакомила нас с ними. Особенно ярко я

помню поездку с тетей Верой в дом отдыха, когда там отдыхала и лечилась Анна Андреевна Ахматова. Я умолила тетю Веру познакомить нас, вернее, представить меня ей. Мы пришли на большую веранду, где отдыхающие сидели в больших креслах. В одном таком большом кресле-качалке сидела Анна Ахматова, неприступная и величественная. Тетя Вера подошла к ней, наклонилась и что-то прошептала. Анна Андреевна кивнула головой. Тетя Вера подвела меня к Ахматовой и представила. Анна Андреевна внимательно посмотрела на меня и благосклонно покивала головой. Она ничего не сказала, только смотрела и кивала. А я, не зная что делать, поклонилась ей в пояс, как иконе. Чуть заметная улыбка пробежала по ее губам. Потом она прикрыла глаза и немного повернула голову в другую сторону, давая понять, что знакомство, вернее его церемония, окончена. Мы отошли.

У тети Веры на даче в Болшево не раз собирались пушкинисты на свои умные беседы и непонятные мне встречи. То есть они говорили о творчестве Пушкина с научной точки зрения, говорили долго, много, употребляя много незнакомых мне слов. Я уныло плелась за ними сзади, изредка отвечая на вопросы, что я знаю наизусть из Пушкина. Знала я много, т. к. моя любимая учительница литературы Розалия Николаевна Седых привила большую любовь к творчеству А. С. Пушкина, и мы учили многое наизусть. Они все были мною довольны, но основных их споров и разговоров я просто не понимала. А Верочка вообще предпочитала быть подальше от этой заумной компании и носилась с сачком за бабочками где-нибудь впереди или сзади всей процессии. Зато когда приезжали в Москву, то Верочка у тети Веры была на первом месте, потому что она хотела и соглашалась везде ходить с тетей Верой по театрам. Тетя Вера хотела показать нам все: и Большой, и Малый, и Художественный, и театр им. Пушкина. С ней мы смотрели «Синюю птицу», «Аленький цветочек», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Сказку о царе Салтане», «Три сестры», «Вишневый сад», «Пиковую даму», «Евгения Онегина»и многое другое. Верочка ходила с ней везде, а я с Мариной Янтаровой только выборочно. Я больше любила ходить с мамой в Малый зал консерватории и в зал им. Чайковского. Тетя Вера привела Верочку в театр им. Немировича-Данченко в пять лет, и с тех пор этот театр стал ее судьбой. Окончив музыкальное училище и консерваторию, она потом всю жизнь работала в этом театре. И она го-

ворит, что из-за того, что с тетей Верой увидела там «Лебединое озеро», на всю жизнь влюбилась в этот волшебный балет.

Среди красивых и очень нужных подарков от тети Веры были всегда самые замечательные и нужные книги. Она познакомила нас с поэтами и писателями серебряного века, со многими историческими книгами. Ее подарок «Князь Серебряный» до сих пор стоит на моей книжной полке, а также Гумилёв, Ахматова, Пастернак. К Борису Леонидовичу она тоже возила меня в Переделкино. Но мы приехали, когда он очень плохо себя чувствовал, и родные нас не пустили к нему.

Тетя Вера очень хорошо вязала и всех нас троих – маму, меня и Верочку – наряжала в красивые кофточки, связанные ее руками. А уж о шарфах, шапочках, варежках и носках я не говорю. Это было как бы само собой, к каждому сезону – новые.

Надо будет сказать, что тетя Вера жила не только у Людмилы Васильевны, но и с нами на Трёхпрудном переулке. В нашей трехкомнатной квартире одна комната была ее, она так и называлась: тети Верина. Там стоял большой дубовый письменный стол, старинный шифоньер и большие до потолка книжные стеллажи, все заполненные ее книгами и работами. Нас хоть и пускали туда, но трогать было ничего нельзя. Даже нельзя было ничего переложить на другое место. Она четко знала, где лежат у нее на своих местах все бумаги и книги. Но брать читать и ставить на место, конечно же, она разрешала.

Однажды вместе с тетей Верой я устроила уборку к Пасхе во всей квартире. Бабушка Надежда Александровна, ее мама, была в ужасе от такого погрома, но мы уверили ее, что все повесим и поставим, как было. Я поднималась на стремянке под самый потолок, все снимала (иконы и картины), давала тете Вере, она вытирала, я вешала на место. И вдруг... Я сняла икону Божьей матери «Взыскание погибших», стала вытирать тыльную сторону, створочка открылась, и у меня в руках оказалась фотография красивого, кудрявого мальчика в белой мягкой шапочке и белом костюмчике. Она была внутри иконы, за образом. Конечно, я тут же слезла со стремянки и стала спрашивать, кто это. Тетя Вера долго молчала. А потом объяснила, что это Царевич Алексей Романов. Показала мне надпись на фотографии. Рукой Николая II была дарственная надпись: «Дорогой Люле в День Святого Праздника 13 мая 1908 г. от любящего папы за хорошее поведение и успехи в науках». Это был подарок царевне Ольге от отца на Пасху. Я спросила, зачем же она спрятала? Тетя Вера сказала, что бабушка моя, ее

мама спрятала так эту фотографию после революции, всегда и везде возила икону «Взыскание погибших» с собой (а значит, и эту фотографию). А когда в 1928 г. обосновалась на Трёхпрудном в Москве, то повесила икону в Красный угол, где она висела всегда, и всю войну, и после войны. И вот сейчас, в начале 60-х, мы фотографию во время большой уборки нашли. Конечно, бабушку привела в большой трепет наша находка. Но я убедила ее, что не надо прятать обратно, что я фотографию в рамочке повешу, а подругам, если спросят, скажу, что это наш какой-нибудь дедушка, когда был маленький. Что бояться сейчас нечего, и такую фотографию красивую нужно держать открыто. Тем более что везде у нас висели дамы в шляпах и кринолинах, настоящие наши прабабушки. На том и порешили. И фотографию царевича Алексея повесили в комнате нашей бабушки Надежды Александровны среди икон. Но после смерти тети Веры, бабушки, дедушки и моих родителей я отдала эту фотографию в Российский Государственный архив литературы и искусства вместе с другими редкими архивными бумагами и документами нашей семьи. Я решила, что со временем она может потеряться, наши дети уже не очень любят, чтобы все стены были завешаны фотографиями родных и знакомых, положат в комод, потом еще куда-нибудь, а потом и забудут, кто это. Так что фотография Царевича Алексея находится в Государственном архиве литературы и искусства за № 120а в фонде семьи Фортунатовых. Эта фотография была уже опубликована во многих книгах и журналах, а также в книге «Все монархи России» Константина Рыжова. Я очень этому рада. А то висел бы у меня с лампадкой, и никто бы не увидел моего чудного, прекрасного Мальчика. А у меня в спальне висит хорошая копия. Тетя Вера рассказывала обо всем, связанном с фотографией, очень осторожно. Что, мол, она попала на хранение ее дяде Александру Александровичу Войтову, в Петербурге, во время революции. Он работал в Русском музее, жил в Питере, видел всю «катавасию» с уничтожением, и эта фотография попала к нему на хранение, а он, чтобы было еще вернее, передал ее своей сестре Надежде Александровне Кузьминой, урожденной Войтовой, т. е. матери тети Веры. А уж она спрятала ее за икону и сохранила, как и было велено. Вот такая история. Я еще спросила, а, может быть, это было через Григория Даниловича, нашего прадеда, который был воспитанником Николая II? Нет, точно через ее дядю и крестного Войтова Александра Александровича. В этой же беседе после нашей убор-

ки тетя Вера сказала мне, что мечтает заняться в Ленинграде архивами ее двоюродного деда Николая Филипповича Романченко, выдающегося египтолога, которого убили бандиты прямо в музее, и написать книгу о нем. Но сделать это ей помешала болезнь и ранняя смерть.

Тетя Вера очень любила своих родителей, особенно отца Дмитрия Дмитриевича, самоотверженно ухаживала за ними, когда они болели. Это очень ярко проявилось во время последней, смертельной, болезни отца. Она приезжала каждый день или жила у нас. Но в тот роковой день 2 декабря 1964 г. она была на ул. Кирова. Дедушка умер на руках моей мамы, при мне. Я сразу же позвонила тете Вере. Была ночь. И она пешком с улицы Кирова на наш Трёхпрудный пришла очень быстро. Мы с мамой и тетей Верой обмывали дедушку и обряжали в последний путь, а бабушка все это время читала молитвы и Псалтирь. Плакала тетя Вера неутешно, но когда плакала я, то она поцелуями снимала и вытирала мои слезы. До сих пор я помню это ощущение: ее теплые губы на моем лице.

Сама тетя Вера очень скоро заболела. Я помню все ее больницы и санатории. И на Басманной, на Ленинском проспекте – Академическую, и Болшево, и Переделкино. Держалась она очень хорошо и работала даже в больнице, То есть все время что-то писала. Навещать ее в больницу мы ходили с Верочкой часто, даже с друзьями, все думали как-то отвлечь ее от болезни.

Смерть тети Веры стала ударом для всей семьи. Я уже не говорю о бабушке, которая только что потеряла мужа. Она просто смотрела в одну точку. Плакала, плакала, а потом опять смотрела куда-то вдаль. Но ее спасала молитва. Она молилась постоянно, читала все заупокойные молитвы, Псалтирь; по всем храмам заказала службы. Ее утешало только то, что принял душу тети Веры Александр Невский (Тетя Вера умерла в его день 6 декабря 1968 г.) и св. муч. Екатерина (следующий день 7 декабря). Бабушка считала это очень важным знаком. На отпевании в храме Илии Обыденного мы держались все очень хорошо, особенно бабушка и мама. Они всецело отдавали всю посмертную судьбу тети Веры в руки Господа и Пресвятой Богородицы, прося у них помощи и защиты. Но после церкви я никак не могла взять себя в руки и рыдала не переставая. И когда мы пришли в ИМЛИ (Институт мировой литературы) на гражданскую панихиду, я от отчаяния бросилась на шею тети Вериному аспиранту Васеньке, который просто

ошалел от моего такого порыва. Я металась среди людей, ища объяснения, как же это все так, почему именно нет тети Веры, а все тут живые стоят и здоровые. Никак не могла смириться с ее смертью. Было много речей, но особенно запомнилась речь Ольги Ильиничны Подобедовой, которая за все благодарила тетю Веру, а в конце в пояс поклонилась гробу и открыто перекрестилась. Тетю Веру кремировали в Донском монастыре. Там был крематорий, где теперь храм св. Серафима Саровского.

Бабушка была неутешна. Она занемогла с горя. На сороковой день тети Веры она очень много готовила, так ей хотелось. Было 14 января 1969 г., ей стало жарко, она открыла балконную дверь. И 27 января она умерла от воспаления лёгких. Это день Ангела ее покойной дочери Ниночки, которая умерла в отрочестве. Но не только это совпало. 40-й день бабушки пришелся на 7 марта, т. е. на день рождения тети Веры. Так своими руками – крыльями она обняла своих дочерей. А двадцатый день бабушки был на Сретение, т. е. на Встречу с Господом. Бабушку отпевали тоже в храме Илии Обыденного, и в гроб ей поставили урну тети Веры. Так что у тети Веры было два отпевания.

Теперь уже на кладбище в Химках лежат все: дедушка, бабушка, папа, мама, тетя Вера. И на их могиле мы с сестрой сделали надпись: «Родные! Любимые! В Боге мы неразлучны».